

Л.В. Дьякова*

ЧИЛИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ПЕРЕД ОЖИДАНИЯМИ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт Латинской Америки Российской академии наук»
115035, Москва, ул. Большая Ордынка, 21/16*

Чилийская модель развития по объективным параметрам представляет собой сочетание развитой демократии, целенаправленной социальной политики и эффективной, конкурентоспособной экономики. Несмотря на это, протестное движение, начавшееся в октябре 2019 г. и включавшее как мирные, так и насильственные акции, было направлено не только против правоцентристского правительства Себастьяна Пиньеры (2018–2022), но и против системы в целом. Это движение продемонстрировало неудовлетворенность широких общественных слоев результатами политического и социального развития и свидетельствовало о начале затяжного, трудноразрешимого кризиса.

Фундаментальной причиной протестов стало глубокое противоречие между экономической эффективностью и социальной справедливостью, заложенное в ходе неолиберальной модернизации Аугусто Пиночета (1973–1990) и не преодоленное на протяжении 30 лет демократического развития, несмотря на масштабную социальную политику. Объектом жесткой критики стала и система «элитарных компромиссов», представлявшая собой политическую основу для перехода от авторитаризма к демократии.

В статье показана специфика формирования чилийской модели в исторической ретроспективе, выявлены противоречия и проблемы, ставшие предпосылками конфликта, проанализирован процесс нарастания массовых социальных ожиданий, усиленный реформами второго правительства Мишель Бачелет (2014–2018), рассмотрены особенности современного кризиса.

Ключевые слова: Чили, протесты, неолиберальные реформы, модель «элитарных компромиссов», социальная справедливость, С. Пиньера, М. Бачелет.

* Дьякова Людмила Владимировна — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (e-mail: diakova65@mail.ru).

Современная Чили является развитым демократическим государством, для которого характерны открытость глобальному миру и эффективная экономика (33-е место из 138 в мировом рейтинге конкурентоспособности 2019 г., лидирующие позиции в регионе)¹. Чили наряду с Мексикой входит в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и включена в группу стран с очень высоким индексом человеческого потенциала (42-е место из 189)². Последние 20 лет по многим показателям — политическим, экономическим, социальным — Чили служила ориентиром для других государств Латинской Америки.

Однако в октябре 2019 г. в стране начались массовые радикальные протесты, направленные не только против правоцентристского правительства Себастьяна Пиньеры (2018–1922), попытавшегося незначительно повысить цены на проезд в метро, но и против политической системы в целом, ее представителей и элит, против результатов политического, экономического и социального развития, достигнутых на протяжении последних 30 лет. «Это не метро: это образование, здравоохранение, пенсии»; «Это не тридцать песо, это тридцать лет» — было написано на плакатах участников движения.

Протестные выступления, включавшие как мирные, так и насильственные акции, масштаб которых был непредставим в Чили еще год назад, обнажили беспрецедентное разочарование и неудовлетворенность широких общественных слоев и свидетельствовали о начале затяжного политического кризиса. Ставший неожиданностью не только для власти, но и для большинства оппозиционных партий, этот кризис был следствием глубоких и сложных процессов, идущих в чилийском обществе на протяжении не одного десятилетия и неразрывно связанных с принципиальными основами модели развития, сформированной в последней четверти XX в.

Теоретической базой данного исследования стали классическая концепция «полиархии» Р. Даля [Dahl, 1989] с ее фундаментальным постулатом о противоречивом и сложном функционировании реальных демократий, а также теоретические дискуссии последнего десятилетия о нарастании угроз и рисков для подобных режимов, способы противодействия которым пока не найдены [Diamond, 2015; Plattner, 2015]. В центре проблематики подобных исследований —

¹The global competitiveness report 2019 // World Economic Forum. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (accessed: 15.01.2020).

²Human Development Report 2019 // United Nations Development Programme. Available at: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2019.pdf> (accessed: 13.01.2020).

вопрос о качестве состоявшихся демократий, на определенном этапе развития оказавшихся в ситуации глубокого внутреннего конфликта, обусловленного нарастанием противоречий между фундаментальными ценностями свободы (в том числе экономической) и равенства. Этот конфликт, вызванный невозможностью совместить «дюжинную природу буржуазного общества», нацеленного на индивидуализм и экономическое процветание, и вечную тягу человека к социальной справедливости, был предсказан С.М. Липсетом еще несколько десятилетий назад в работе о неизбежном возрождении массовых левых движений [Липсет, 1991a, 1991b].

Необходимость поиска альтернативы принципам экономической эффективности, «оставляющим человека один на один с бесчеловечными правилами рынка» [Мартьянов, Фишман, 2012: 66], у многих современных исследователей не вызывает сомнений: все большее распространение получают концепции, в центре которых — этическое содержание политики, ее гуманистический потенциал, роль человеческого фактора [Лукин, 2014; Семененко, 2012; Sniderman, Highton, 2011]. Ряд авторов отмечают и моральную исчерпанность проекта модерна с его идеологической надстройкой, оправдывающей неолиберальную этику капитализма [Лэйн, 2014]. Вопрос о свободе и неравенстве из философского спора XIX в. превратился в размышления о перспективах демократического развития, осуществлении «этической революции», соответствующей новым запросам и ценностям постоянно усложняющегося общества [Fukuyama, 2001; Дзолу, 2010: 23].

Эта общетеоретическая дискуссия приобретает особую актуальность применительно к Чили — стране, где с демократией традиционно связываются высокие социальные ожидания.

Чилийский путь перехода от авторитаризма к демократии рассматривается исследователями как один из самых успешных вариантов контролируемого демократического транзита, важнейшей частью которого стала «модель компромиссов», заключенных между различными группами элиты [Drake, Jaksic, 2002; Silva, 2002; Barton, 2002; O'Donnell, Shmitter, 2013: 42–44]. Реализация данного пути была обусловлена сочетанием ряда структурных и процедурных факторов: особенностями политической культуры Чили; традицией партийных коалиций; социальной позицией католической церкви; активностью организаций гражданского общества; сформированностью в массовом общественном сознании установки на мирную политическую трансформацию [Valenzuela, Dammert, 2006]. Важнейшим субъективным фактором стала роль демократической

оппозиции — ее готовность заключать и соблюдать договоры [Garretón, 1989]. В то же время чилийский опыт имел и существенные противоречия, наиболее глубокое из которых было предопределено основными условиями компромисса: сохранением неолиберального экономического курса и отсутствием резкого разрыва с авторитарным прошлым.

Именно эти аспекты (противоречия и разочарование части общества) находятся в центре внимания современной политической мысли Чили, развивающейся в рамках двух основных подходов: умеренно-объективистского и леворадикального. Если в исследованиях первого направления наряду с проблемами анализируются и очевидные достижения в развитии страны [Escalona, 2008; El Chile que se viene, 2011; Huneeus, 2008; Navia, 2015], то в работах леворадикального характера акцент сделан на критическом рассмотрении и негативной оценке деятельности демократических правительств после 1990 г. [Gómez Leyton, 2007; Vergara Estévez, 2007; Peña Gonzalez, 2007]. Лейтмотивом второго подхода становятся социальная несправедливость и неравенство, не преодоленные за годы поставторитарного развития, а также проблемы «исторической памяти» [Rivas, 2007]. «Мифом» и феноменом «недемократического процветания» называют чилийскую модель известные социологи Т. Моулиан и М. Лагос, отмечая, что процветание возросло, не приведя к кардинальному сокращению социального неравенства [Moulian, 2002; Lagos, 2007]. На современном этапе этот акцент усиливается, а главной темой общественно-политической мысли последнего десятилетия становится ощущение «кризиса модели» на фоне нарастания социальной напряженности. «Идея, внедренная в общественное сознание, согласно которой Чили является современной постоянно растущей страной с элитой, представляющей образец по уровню своих взглядов и согласованности <...> — эта идея вступила в кризис», — считает социолог О. Торрес Гутьеррес³, выражая преобладающую в национальной интеллектуальной среде точку зрения.

Таким образом, современный социально-политический конфликт в Чили в значительной степени был предсказан в научной литературе (в том числе в отечественной [Дьякова, 2018; Дьякова, 2019a]). Однако предусмотреть его масштаб и уровень радикализма оказалось невозможно.

³Torres Gutiérrez O. ¿El Fin del milagro chileno? // Nueva Sociedad. 2016. Available at: <http://nuso.org/articulo/el-fin-del-milagro-chileno/> (accessed: 12.03.2018).

В данной статье предполагается проанализировать специфику чилийской модели в исторической ретроспективе и в современном контексте, выявить те противоречия, которые, накапливаясь подспудно, стали предпосылками глубокого разочарования широких общественных слоев и развернувшегося протестного движения.

Методологической основой послужил комплексный системный подход, позволяющий наиболее полно раскрыть внутренние взаимосвязи различных явлений политики, выявить истоки конфликтов, проанализировать способность политических институтов и акторов к разрешению кризиса.

Военный режим А. Пиночета (1973–1990). Создание основ неолиберальной модели

Определяющую роль в формировании современной страны со всеми ее достижениями и проблемами сыграли два ключевых и длительных исторических периода: военный режим Аугусто Пиночета (1973–1990), ставший самым трагическим явлением в чилийской истории, и процесс перехода от этого режима к демократии, стартовавший в 1990 г. и завершившийся консолидацией демократических институтов и ценностей.

После военного переворота 11 сентября 1973 г., сместившего левокоалиционное правительство социалиста Сальвадора Альенде, А. Пиночет подавил традиционно многообразную политическую жизнь Чили и установил жесткий правоавторитарный режим: все левые партии, от радикальных до центристских, были запрещены, их лидеры и активисты убиты, репрессированы или эмигрировали (С. Альенде погиб в президентском дворце). Масштаб и жестокость репрессий в стране с глубокими демократическими традициями повергли в шок современников. «Травма памяти» и связанный с ней политический раскол общества, обостряющийся с каждой новой годовщиной 11 сентября, стали неотъемлемой частью национального исторического опыта.

В 1978 г. был принят Закон о юридическом иммунитете военных⁴, согласно которому они не подлежали суду за нарушения прав человека, совершенные в годы военного режима. В 1980 г. утверждена новая Конституция, закрепившая власть А. Пиночета до 1988 г. По окончании этого срока предполагалось провести референдум о

⁴ La ley de Amnistía, o Decreto Ley № 2191 de 18 de abril de 1978 // Memoria Chilena. Biblioteca Nacional de Chile. Available at: <http://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-printer-95548.html> (accessed: 30.09.2019).

продлении его полномочий и в случае отрицательного результата — президентские выборы. После отставки генералу предназначался пост пожизненного сенатора, а его ближайшим соратникам — посты назначаемых сенаторов с депутатской неприкосновенностью. Конституция ограничила полномочия будущего президента по назначению и смещению главнокомандующих родов войск, введя Совет национальной безопасности; деятельность партий и СМИ оставалась под контролем государства.

Таким образом, репрессивная политическая сущность военного режима была очевидна. В то же время правительство А. Пиночета в сжатые сроки осуществило обширную программу неолиберальной модернизации, суть которой заключалась в полном отказе от государственного протекционизма и создании рыночной экономики открытого типа, предполагающей опережающее развитие самых конкурентоспособных экспортных отраслей, ориентированных на мировой рынок: меднорудной промышленности (Чили является крупнейшим в мире поставщиком меди), производства вина, продажи фруктов, рыбы и морепродуктов. Целенаправленная поддержка этих отраслей, активное продвижение национальных торговых брендов сделали страну ведущим мировым экспортером [Симонова, 2003: 13].

Неотъемлемыми элементами новой стратегии были политика приватизации, охватившая масштабный государственный сектор чилийской экономики [Morandé, 1993: 15], «шоковое» оздоровление финансовой сферы и преодоление колоссальной инфляции [Vasconi, Arancibia, 1988: 82–83]. К приватизации активно привлекали иностранный капитал и национальные предпринимательские кланы, что усилило концентрацию собственности и влияния в руках закрытой, тесно связанной с международными структурами экономической элиты.

Переход к неолиберальной модели включал два этапа. После первого, основанного на жестких рекомендациях «чикагской школы», страну потряс мировой финансово-экономический кризис 1982–1983 гг., последствия которого заставили А. Пиночета, не отказываясь от неолиберализма, перейти к более гибкому сочетанию рыночных механизмов и методов государственного регулирования и привлечь для разработки этого курса другую команду экономистов [Богуш, Щелчков, 2009: 197–200]. При поддержке государства финансовая стабильность и доверие инвесторов были восстановлены. Преодоление кризиса в значительной степени профинансировали иностранные банки и Международный валютный фонд (МВФ), пре-

доставившие Чили в 1983–1985 гг. ряд крупных кредитов [Fontaine Aldunate, 1988: 154–177].

Неолиберальная модернизация, внедренная в два этапа, к концу 1980-х годов превратила Чили в одну из самых экономически эффективных, конкурентоспособных, динамично развивающихся стран Латинской Америки (экономический рост в 1989 г. составил 10%) [Morandé, 1993: 25, 41].

В то же время в социальной сфере новая экономическая модель, сопровождавшаяся отказом от длительной традиции государственного реформизма и поддержки беднейших слоев, была оплачена высокой ценой: увеличением бедности и нищеты (до 38,6% к 1989 г.), ростом социального неравенства (54-е место в мире). Государственный сектор полностью утратил ведущее положение в системах образования, здравоохранения, социального обеспечения. Эти сферы были приватизированы, управление ими, переданное в частные фонды или муниципалитеты, максимально децентрализовано, а количество и качество предоставляемых услуг поставлены в жесткую зависимость от платежеспособности каждого. Для широких слоев населения это был болезненный и сложный процесс, сопровождавшийся резким падением уровня жизни вместе с утратой иллюзий и надежд на государственную поддержку. Социальная поляризация и неравенство приобрели катастрофические масштабы.

Противоречие между экономической эффективностью и высокими политическими и социальными издержками модели постепенно нарастало: к концу 1980-х годов всё более широкие общественные силы требовали перехода к демократии, и А. Пиночет вынужден был пойти на легализацию партий и проведение общенародного референдума о продлении своих полномочий (это решение, как считают ряд исследователей, стало роковым для военного режима) [Mainwaring, 1989].

В 1988 г. 17 оппозиционных партий и групп, различных по идеологии и масштабу, сформировали левоцентристскую демократическую коалицию — Объединение партий за демократию (Concertación de Partidos por la Democracia), ведущими силами которой стали социалисты⁵ и христианские демократы (Partido Demócrata Cristiano, PDC), объединившиеся во имя восстановления правового государства.

⁵ Они были представлены старейшей Социалистической партией (Partido Socialista, PS) и Партией за демократию (Partido por la Democracia, PPD), созданной в 1987 г.

Коммунисты, отстаивая позиции вооруженной борьбы, не вступили в коалицию [Богуш, Щелчков, 2009: 188].

5 октября 1988 г. А. Пиночет проиграл референдум: демократическая оппозиция победила, получив 54,5% голосов, а 14 декабря 1989 г. прошли общенациональные выборы, в результате которых президентом был избран христианский демократ Патрисио Эйлвин (1990–1994). Таким образом, один из самых репрессивных режимов XX в. — военный режим А. Пиночета — мирным путем, без гражданского конфликта, подчиняясь общественному давлению и логике компромисса, прекратил свое существование. В наследство демократическим правительствам остались: «авторитарные анклавы» Конституции 1980 г., эффективная экономическая модель, приватизация социальной сферы, глубокое социальное неравенство и политическая поляризация общества, разделенного «травмой исторической памяти».

Управляемый демократический транзит (1990–2010)

Модель демократического перехода, стартовавшего в 1990 г., представляла собой управляемый политический процесс, в основу которого была положена система компромиссов, заключенных между различными группами элиты (руководством оппозиционных партий, представителями ультраправого крыла, умеренными сторонниками гражданского правления, бизнесом, выросшим за годы реформ), об условиях предстоящей трансформации [Siavelis, 2002]. В более широком плане это был договор между «правой» и «левой» политической культурой общества. Но главным компромиссом стало соглашение между самим А. Пиночетом и демократическими лидерами, включавшее жесткие обязательства по отношению к уходящему военному режиму, его самым значимым фигурам и политическим институтам («авторитарным анклавам»), законсервированным Конституцией 1980 г.

Демократические политики обещали: сохранить за А. Пиночетом до 1998 г. пост командующего сухопутными силами; соблюдать Конституцию, Закон об амнистии военных⁶ и ряд других мер, существенно ограничивающих возможности демократической власти, особенно в том, что касалось наказания военных преступников за

⁶ La ley de Amnistía, o Decreto Ley № 2191 de 18 de abril de 1978 // Memoria Chilena. Biblioteca Nacional de Chile. Available at: <http://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-printer-95548.html> (accessed: 30.09.2019).

репрессии. «День, в который вы посмеете тронуть хотя бы одного из моих людей, будет последним днем правления закона», — предупредил уходящий диктатор [Silva, 2002: 380].

Важным элементом политической системы была и разработанная в 1988–1989 гг. электоральная модель двухмандатных округов (так называемая биномальная), которая в период парламентских выборов обеспечивала раздел политического поля между двумя крупнейшими коалициями: Concertación и правой оппозицией. Мелкие партии (в том числе леворадикальные), пытавшиеся выступить на выборах самостоятельно, были обречены на неудачу и оказывались на обочине политической жизни.

Соблюдение этих политических договоренностей и отсутствие тотального разрушения прежней системы в течение 1990–2000 гг., последующее постепенное преодоление «авторитарных анклавов», целенаправленное развитие социальной сферы при сохранении нелиберальной рыночной экономики стали характерными особенностями чилийской модернизации и формирования современного чилийского общества. Ключевую роль в процессе поставторитарного развития, преодолении его колоссальных рисков и проблем сыграла левоцентристская коалиция Concertación, находившаяся у власти в 1990–2010 и 2014–2018 гг. [Peña Gonzalez, 2007; Дьякова, 2013: 188–233]. Наиболее знаковыми социально-реформистскими из сформированных ею пяти правительств стали возглавляемые социалистами кабинеты Рикардо Лагоса (2000–2006) и Мишель Бачелет (2006–2010; 2014–2018).

Наибольшие политические вызовы на этапе 1990-х годов были связаны с нерешенностью военно-гражданских отношений и вопросом о наказании военных, защищенных юридическим иммунитетом.

Несмотря на сопротивление ультраправого сектора и вооруженных сил, для расследования фактов политического насилия были созданы две специальные Комиссии правды и примирения, названные по именам их руководителей: Комиссия Реттига (1990–1992) и Комиссия Валеча (Комиссия о политических заключениях и пытках, 2003–2011). К 1991 г. было подтверждено 3195 случаев гибели политических заключенных, а к 2011 г. установлено общее число подвергшихся преследованиям, арестам и пыткам (40 289 человек), что было признано окончательным результатом работы комиссий⁷.

⁷ Informe de la Comisión Presidencial Asesora para la Calificación de Detenidos-Desaparecidos, Ejecutados Políticos y Víctimas de Prisión Política y Tortura. Available at: <http://www.indh.cl/wp-content/uploads/2011/10/Informe2011.pdf> (accessed: 20.11.2019).

Государство признало свою моральную вину перед всеми жертвами репрессий: погибшими, их родителями, супругами и детьми, выжившими политзаключенными. Родственникам погибших были выплачены денежные компенсации, предоставлены медицинские льготы, детям — ежемесячные стипендии при получении среднего и высшего образования. Все демократические президенты заявляли о необходимости дальнейшего продвижения «по пути правды, справедливости и воздаяния» (Р. Лагос), о задаче совершенствования политических институтов, воспитании и просвещении общества [Дьякова, 2019b].

Вилла Гримальди (место заключения и пыток) в 1994–1997 гг. была превращена в мемориальный комплекс; в 2005 г. был создан Национальный институт по правам человека, в задачи которого входила правозащитная и просветительская деятельность; в 2010 г. открыт Музей памяти и прав человека.

Тем не менее никому из демократических президентов не удалось найти однозначное решение вопроса о вине военных, которое устроило бы все политические силы. В итоге наказание понесли ближайшие соратники А. Пиночета: шеф тайной спецслужбы DINA генерал Мануэль Контрерас (в 1995 г. осужден на 7 лет, в 2002–2005 гг. приговорен к нескольким пожизненным срокам, умер в заключении); генерал Серхио Арельяно Старк, руководитель спецподразделения «Караван смерти» (получил несколько пожизненных сроков); генерал Педро Эспиноса и бригадир Мигель Краснов (осуждены пожизненно). Обвинения были предъявлены еще 500 военным, из которых 70 были осуждены за организацию убийств и похищений.

По мере укрепления демократии были начаты судебные процессы и против А. Пиночета, в 2002 г. лишённого поста пожизненного сенатора, а в 2004 г. по решению Верховного и Апелляционного судов — иммунитета от судебного преследования. Смерть экс-диктатора 11 декабря 2006 г. не позволила завершить начатые процессы и вынести официальное обвинение.

Таким образом, несмотря на ряд важных шагов по восстановлению исторической справедливости, как лично А. Пиночет, так и военные в целом не подверглись массовому судебному преследованию в той мере, в какой того требовали чилийские и международные правозащитные организации. Этот компромисс со стороны демократической власти стал вынужденной платой за обеспечение гражданского мира, но заложил основы будущих политических противоречий.

В 2005 г. правительство социалиста Р. Лагоса провело глубокую реформу Конституции, ликвидировавшую все «авторитарные анклавы» и покончившую с институциональным наследием пиночетизма. На этапе 2000–2010 гг. были нормализованы военно-гражданские отношения, во главе вооруженных сил встали фигуры, нацеленные на строгое подчинение демократическому правовому государству; правые партии постепенно дистанцировались от пиночетизма и стали активными участниками политической жизни [Дьякова, 2013: 233–238]. Это были важнейшие вехи в новейшей истории страны, свидетельствовавшие о процессе глубокого укоренения демократических институтов и ценностей. В то же время принципиальные вопросы, связанные с окончательной оценкой событий 1973–1990 гг., решены не были, и прошлое для части общества стало превращаться в психологический груз, неразрывно связанный с непроработанной «травмой исторической памяти».

Социальная политика демократических правительств

В социальном плане период поставторитарного развития, начавшись с задач преодоления абсолютной бедности в 1990-е, в годы президентств Р. Лагоса и М. Бачелет стал временем формирования долгосрочной стратегии развития общества, реализации масштабных проектов, распространения преимуществ экономического роста на широкие слои населения.

В 2000 г. в бедности жили 20,6% чилийцев (в 1990 г. — 38,6%) [Arenas de Mesa, Gusman Cox, 2003: 132]. Помимо задачи повышения уровня доходов этих слоев на основе адресных денежных пособий и льгот правительство Р. Лагоса поставило цель уменьшить социальную исключенность и смягчить остроту социального неравенства. Основное направление социальной политики стало меняться, ориентируясь на преодоление не только абсолютной (выраженной в минимальном доходе), но и относительной бедности, на изменение самосознания и психологического самочувствия бедных слоев. В 2002 г. была принята масштабная социальная программа «Солидарная Чили», ориентированная на экономическую и психо-социальную поддержку семей по включению их в рынок труда и повышению качества человеческого капитала.

Приоритетная роль в социальной стратегии отводилась образованию. В 2004 г. вступил в силу Закон об обязательном 12-летнем образовании, целью которого было преодолеть неравенство

и сегрегацию первоначально на школьном уровне и повысить образовательный потенциал общества в целом⁸. В 2009 г. первое правительство М. Бачелет приняло новый Закон об образовании, расширивший возможности для молодежи из бедных семей (увеличение стипендий, улучшение инфраструктуры и качества преподавания в муниципальных школах бедных районов). Тем не менее не были ликвидированы ни рыночные принципы, ни неравенство, ни система платного образования. В итоге, несмотря на значительные усилия левоцентристских правительств и специальные программы, средняя школа оказалась не в состоянии прервать «замкнутый круг» социального неравенства, превратиться в действенный социальный лифт для молодежи из бедных слоев. Это стало источником растущего общественного разочарования.

Важнейшими мерами правительства М. Бачелет стали также: принятие в 2008 г. Закона о пенсиях⁹, предусматривающего обязательное минимальное обеспечение («базовую солидарную пенсию») для пожилых людей из уязвимых социальных групп, не имевших личных вкладов в пенсионные фонды; повышение качества первичной медицинской помощи, обеспечение доступности высокотехнологичных медицинских услуг для всех, особенно женщин и детей. В итоге Чили стала страной с одним из самых высоких в регионе показателей по охране здоровья материнства и детства, с очень низкой младенческой смертностью при рождении (в 2008 г. — 7 человек на 1000 родившихся), что было сопоставимо с уровнем развитых государств мира¹⁰.

Благодаря целенаправленным мерам и экономическому росту основная цель социальной политики — поднять уровень жизни широких слоев населения — в значительной степени была достигнута: бедность сократилась в 2009 г. до 11,9%. Это стало впечатляющим результатом по сравнению с 1990 г. и на фоне других латиноамериканских стран¹¹. Тем не менее уровень социального неравенства существенно не уменьшился (коэффициент Джини в 2009 г. состав-

⁸ Lagos R.E. Abrir las puertas. Discursos escogidos: Marzo 2004 – Febrero 2005. T. V. Santiago de Chile: Ed. Gobierno de Chile, 2005. P. 250.

⁹ Ley de Pensión Básica Solidaria № 20.255 de 17 de marzo 2008 // Biblioteca del Congreso Nacional. Available at: <https://www.leychile.cl/Navegar?idNorma=269892> (accessed: 20.06.2013).

¹⁰ Objetivos de desarrollo del Milenio. La progresión hacia el derecho a la salud en América Latina y el Caribe. Santiago de Chile: CEPAL, 2008. P. 41, 51.

¹¹ Panorama social de América Latina 2007. Santiago de Chile: CEPAL, 2008. P. 77.

лял 49). Такие показатели, благополучные для Латинской Америки, в чилийской ситуации стали вызывать большее, чем в предыдущие годы, недовольство широких общественных слоев. Целенаправленная социальная политика сопровождалась не преодолением социальных барьеров, а консервацией отсталости беднейших групп, превратившихся в постоянных реципиентов государственных дотаций [Moulian, 2002].

Нарастание политических рисков особенно четко обозначилось в период первого президентства Себастьяна Пиньеры, лидера коалиции правых партий, впервые пришедших к власти в 2010–2014 гг. с программой коррекции избыточно социального, по мнению части общества, курса. Однако неудачный проект реформы образования (2011), нацеленный не на усиление его социальной функции, а на улучшение качества преподавания для ускорения экономического развития и на дифференциацию учащихся «по способностям и результатам», привел к массовому протестному движению молодежи и растущему недовольству стремлением правоцентристов повысить эффективность чилийской экономической модели в ущерб принципам социальной справедливости.

Нарастание социально-политических рисков (2014–2018)

Современный этап развития страны связан со вторыми президентскими сроками социалиста М. Бачелет (2014–2018) и правоцентриста С. Пиньеры (с 2018 г.).

Уже в начале своего второго президентства М. Бачелет приступила к проведению масштабной программы социально-политических реформ. Эта программа включала: принятие новой Конституции (вместо действующей 1980 г., «пиночетовской» по происхождению); изменение биномиальной системы выборов в Конгресс на пропорциональную, дающую равные шансы всем партиям; введение бесплатного образования. Реформы провозглашались как окончательное преодоление наследия пиночетизма в политической и социальной сферах, как расширение социальных возможностей для молодежи из бедных семей. Однако реализация самых значимых проектов оказалась связана с огромными трудностями и в итоге привела к разочарованию и углублению идейной поляризации общества.

В 2015 г. было объявлено о начале конституционного процесса, однако завершить его принятием нового основного закона до 2018 г. не удалось. Реформа биномиальной системы выборов в Конгресс

(одобренная в 2015 г.) и переход к пропорциональной электоральной модели привели к увеличению мест в обеих палатах парламента, расширению возможностей для небольших политических партий и блоков. Одновременно начался неизбежный процесс сокращения политического влияния крупнейших партийных коалиций — правоцентристской и левоцентристской [Дьякова, 2018].

Наиболее серьезной социальной реформой из всех заявленных стало кардинальное изменение системы образования: введение бесплатного образования на всех уровнях — от школьного до университетского. Законопроект был одобрен Конгрессом 23 декабря 2015 г. после напряженного обсуждения конкретных механизмов реализации. Если на школьном уровне, где сосуществовали школы разных типов (бесплатные муниципальные, полностью частные и смешанные, финансируемые государством (с помощью специальной субсидии, выплачиваемой на каждого ученика) и семьей), главная задача состояла в том, чтобы обеспечить принцип бесплатности и доступности, прекратить «конкурсный отбор» в хорошие школы и родительские доплаты, то ситуация с высшим образованием была значительно более сложной [Дьякова, 2016]. Все вузы страны, представленные как частными, так и государственными университетами, были платными. В условиях ухудшения экономической ситуации в Чили принцип бесплатности на первом этапе предполагалось распространить не на всех, а только на 70% поступающих учиться молодых людей из наименее обеспеченных слоев общества (в 2017 г. их число составило 257 тыс. человек)¹². Для финансирования программы была проведена налоговая реформа, увеличившая налоги на крупный бизнес (с 20 до 27%).

Настаивая на поэтапности изменений, правительство выступило за сохранение существующей дифференцированной системы стипендий и образовательных кредитов (условия выплаты которых стали максимально льготными). Однако отсутствие принципа универсальности в получении бесплатного университетского образования, незавершенность и сложность проекта, с которым было связано столько надежд, вызвали разочарование молодежи и массовые студенческие протесты в Сантьяго и других крупных городах. Деятельность правительства к 2018 г. стала объектом постоянной жесткой критики. Правые упрекали президента и ее команду в не-

¹² Mensaje presidencial 1 de junio de 2017 // Ministerio de Educación. Available at: <http://mensajepresidencial.gob.cl/> (accessed: 10.08.2017).

простительном популизме, левые, особенно молодые коммунисты (Коммунистическая партия, Partido Comunista, РС, была включена в 2013 г. в левоцентристскую коалицию), считали, что изменения происходят слишком медленно.

Таким образом, кардинальные реформы, начатые М. Бачелет, ускорили социально-политические процессы и обострили противоречия, назревавшие на протяжении всего последнего десятилетия. Усилились идеологические расхождения внутри самих левоцентристов: между христианскими демократами, по ряду вопросов открыто поддержавшими правых, и стремительно радикализировавшимся левым флангом. Впервые за все время своего существования левоцентристская коалиция не смогла предложить единого кандидата на выборах 2017 г., что фактически означало ее распад (который формально был объявлен уже после голосования).

Однако самым опасным политическим итогом второго президентства М. Бачелет стало растущее разочарование в возможностях демократической власти кардинально сократить социальное неравенство. При относительно низких показателях бедности (8,6%) разрыв в распределении доходов оставался высоким: в 2017 г. 50% бедных домохозяйств владели 2,1% национального дохода, а 10% наиболее богатых — 66,5%¹³. Это свидетельствовало о невозможности реализовать идеалы социальной справедливости, стремительно распространявшиеся в близкой к левой политической культуре молодежной среде.

В 2016 г. на левом фланге возникло радикальное объединение под названием Широкий фронт (Frente Amplio, FA), в состав которого вошли небольшие партии (в том числе студенческие и региональные), не находившие отражения своих идей в политике правящей левоцентристской коалиции и выступившие с критикой ее «устаревших» принципов. Идеология FA представляла собой пестрое соединение антикапиталистических взглядов и «демократии участия», а его лидеры (среди которых было много фигур молодежного студенческого движения) заявляли о своей приверженности социалистическим ценностям и необходимости кардинального пересмотра неолиберальных основ чилийской экономики.

Эффект неоправданности массовых социальных ожиданий привел к стремительной радикализации политической жизни, росту

¹³ Panorama social de América Latina 2018. Santiago de Chile: CEPAL, 2019. P. 62.

протестных настроений, появлению новых политических движений и фигур. Это особенно наглядно продемонстрировала электоральная кампания 2017 г. Несмотря на то что в результате второго тура (17 декабря 2017 г.) президентом был избран С. Пиньера, лидер правоцентристской коалиции, получивший 54,57% голосов¹⁴, в первом туре, состоявшемся 19 ноября, 28% голосов избирателей было отдано за крайних радикалов — левых или правых [Дьякова, 2018].

Кандидат Широкого фронта, известная журналистка Беатрис Санчес, заявлявшая о необходимости большей социальной солидарности, реального гендерного равенства, кардинальной реформы пенсионной системы, набрала 20,3% голосов, что стало безусловным успехом нового левого движения. Вместе с тем независимый ультраправый кандидат Хосе Антонио Каст, пиночетист, сторонник консервативной идеологии, получил 7,9% голосов¹⁵. В этих цифрах отчетливо проявились общественное разочарование в ценностях идеологического центризма, тенденция к критическому пересмотру всех его постулатов, поиску альтернативных вариантов развития. Однако ни новое умеренно-технократическое правительство, ориентированное на «осторожный реформизм», ни лидерский стиль избранного президента не могли соответствовать этим вызовам [Дьякова, 2019a].

Основой программы правых было повышение эффективности экономического развития — ускорение темпов роста (который в 2018 г., по оценкам МВФ, составил 3,8% — самый высокий результат с 2013 г.)¹⁶. В социальной сфере предполагались умеренная коррекция масштабных реформ М. Бачелет и продолжение начатых предшественниками и рассчитанных на несколько лет поступательной работы долгосрочных программ в отношении семьи, детей, пенсионеров.

С самого начала деятельности правоцентристского правительства практически все его инициативы блокировались на этапе обсуждения в Палате депутатов из-за непримиримой позиции леворадикальных партий, представленных коммунистами и FA¹⁷.

¹⁴ Elección de Presidente 2017 // Servicio regional // La Tercera. Available at: <http://www.servielecciones.cl/> (accessed: 20.11.2017).

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Chile vuelve liderar crecimiento económico regional // La Tercera. Available at: <https://www.latercera.com/pulso/noticia/chile-vuelve-liderar-crecimiento-economico-regional-tras-siete-anos-espera/288888/> (accessed: 31.01.2019).

¹⁷ Elección de Diputados 2017 // Servicio Electoral. Available at: <http://www.servielecciones.cl/> (accessed: 20.11.2017).

Правящая коалиция, получив 72 мандата из 155, рассчитывала на сотрудничество с умеренной частью оппозиции. Налоговая реформа, которую с трудом удалось провести через Палату депутатов, нацеленная на максимальное привлечение инвестиций, льготы для малого и среднего бизнеса, вызвала острую критику левых политиков. Пенсионная реформа, предложенная правительством на фоне старения населения, ухудшения экономической ситуации и основанная на сочетании рыночных инструментов (индивидуальных отчислений) с увеличением доли «базовых солидарных» выплат, была отклонена оппозицией как неоправданное применение неоллиберального подхода¹⁸.

В сфере образования новый кабинет предложил вернуть право отдельных школ проводить вступительные тесты и создать сеть специальных лицеев высокого уровня подготовки, обучение в которых было бы бесплатным¹⁹. Правительство стремилось усилить качество среднего специального образования, а не только обеспечить его доступность. Законопроект вызвал жесткую критику Палаты депутатов за нарушения принципов равенства и не был одобрен.

Не меньшие сложности были связаны с «индейским вопросом» и эскалацией протестного движения индейцев-мапуче, требовавших вернуть индейским общинам их исторические земли, занятые лесозаготовительными предприятиями. Это движение, развивавшееся давно и наиболее активное в регионе Араукания, к 2018 г. приобрело насильственный характер (включая поджоги, грабежи, нападения на полицейских). «План Араукания»²⁰, выдвинутый С. Пиньерой и основанный на привлечении инвестиций в экономику и социальную сферу проблемного региона, не привел к прорыву в разрешении конфликта, а трагическое убийство одного из активистов-мапуче в 2018 г. только усилило радикально-протестные настроения.

В контексте нараставшего недовольства различных социальных групп реформистская стратегия С. Пиньеры вызывала всё большее раздражение. Левоориентированная часть общества, особенно молодежь, стремилась к решительным действиям и быстрым результатам.

¹⁸ Reforma a pensiones: el rompecabezas de las jubilaciones en Chile. Available at: <https://www.diarioconcepcion.cl/economia-y-negocios/2018/11/11/reforma-a-pensiones-el-rompecabezas-de-las-jubilaciones-en-chile.html> (accessed: 07.02.2019).

¹⁹ Larraín L. Admisión Justa // El Libero. Available at: <https://ellibero.cl/opinion/luis-larrain-admision-justa/> (accessed: 27.01.2019).

²⁰ Acuerdo Nacional por el Desarrollo y la Paz en La Araucanía // Gobierno de Chile. Available at: <https://www.gob.cl/acuerdo-por-la-araucaania/> (accessed: 10.08.2019).

Массовое протестное движение 2019 г. Власть и общество в поисках выхода

Поводом для начала массового протестного движения стало повышение платы за проезд в метро, которое было анонсировано правительством 6 октября 2019 г. (с 800 до 830 песо). Система оплаты в чилийском метро очень дифференцирована и предусматривает льготы для пенсионеров, студентов и школьников, которые никто не собирался отменять; тем не менее средняя оплата проезда должна была возрасти до 40 долл. в месяц, что стало бы серьезной нагрузкой для бедных семей.

Решение правительства уже 7 октября 2019 г. вызвало разрозненные протесты школьников и студентов, которым власти первоначально не придали особого значения: молодежные уличные демонстрации за последние годы стали привычной частью жизни. К 17–18 октября отдельные беспорядки переросли в массовое протестное движение, которое вышло из-под контроля карабинеров, сопровождалось поджогами магазинов, отелей, банков и применением насилия с обеих сторон. В итоге в Сантьяго возник транспортный коллапс, были разгромлены 77 из 136 станций метро, 9 из них сгорели полностью.

С 19 по 28 октября президент ввел чрезвычайное положение и комендантский час в столице, затем в 15 из 16 регионов страны; на улицы для контроля за ситуацией были выведены войска, что стало беспрецедентным случаем с 1990 г. Столкновения с полицией и военными привели к человеческим потерям с обеих сторон. За время острой фазы конфликта (к середине ноября 2019 г.) погибли 25 человек, были ранены около 2400, более 4000 человек задержаны.

Характерной чертой нового протестного движения стала не только его крайняя жесточенность, но и то, что оно было организовано с помощью социальных сетей: никто, в том числе и оппозиционные леворадикальные партии, первоначально не руководил процессом. Требования протестующих носили ярко выраженный социальный характер: кардинальное сокращение социального неравенства, повышение зарплат, справедливая пенсионная система, доступные и качественные здравоохранение и образование, а также немедленное принятие новой Конституции (вопрос об оплате метро быстро отошел на задний план). Ни власть, ни даже оппозиция не смогли сразу оценить весь масштаб протестов: ультралевые силы его поддержали, не взяв на себя основную ответственность за организацию; уме-

ренные призвали остановить насилие; президент и правительство оказались не готовы к быстрой реакции.

23 октября 2019 г. С. Пиньера выступил с заявлением, которое стало признанием вины и ответственности власти как за сложившуюся ситуацию, так и за накопленные десятилетиями проблемы и получило в прессе название «Mea culpa»: «Я это признаю и прошу прощения», — сказал президент²¹. Одновременно были отправлены в отставку 8 ключевых фигур из 16 министров правительства (в том числе экономики, финансов, а также соратник С. Пиньеры министр внутренних дел Андрес Чадвик, в отношении которого было начато расследование за нарушения гражданских прав).

В эти же дни правительство приняло «Новую социальную повестку», в которой объявлялась немедленная реализация ряда значительных социальных мер: повышение на 15% минимальной заработной платы, увеличение на 20% «солидарных» пенсий, переход к реформе здравоохранения, перераспределение доходов между богатыми и бедными муниципалитетами, увеличение налогов на представителей наиболее богатого слоя общества. Повышение платы за проезд в метро было отменено.

Помимо публичного признания ответственности власти президент призвал к диалогу оппозицию. Первая встреча состоялась 22 октября, но участие в ней приняли только умеренные левоцентристы. Остальные (социалисты, коммунисты и лидеры FA) это приглашение отклонили.

Стремление правительства найти быстрый выход из ситуации не имело эффекта: 25 октября 2019 г. состоялась самая многочисленная в истории Чили манифестация, только в Сантьяго собравшая 1 млн 200 тыс. человек (при населении города 7 млн). Чилийцы протестовали во всех городах страны (особенно массово — в Вальпараисо, Мауле и Консепсьоне). В период с 18 октября по 10 ноября, по оценкам полиции, в уличных маршах приняли участие более 3,715 млн человек²². Активную роль в развитии протестных акций играли организации индейцев-мапуче.

Радикализация протестного движения, нарастание насилия и отсутствие сигналов о его смягчении вынудили левую оппозицию

²¹ Piñera pide perdón y anuncia paquete de medidas para frenar la crisis // La Tercera. Available at: <https://www.latercera.com/nacional/noticia/> (accessed: 05.11.2019).

²² Carabineros estima 3,7 millones de asistentes a manifestaciones en 24 días // La Tercera. Available at: <https://www.latercera.com/nacional/noticia/carabineros-estima-37-millones-asistentes-manifestaciones-24-dias/896954/> (accessed: 12.11.2019).

принять приглашение правительства на вторую встречу, организованную новым министром внутренних дел Гонсало Блумелем 31 октября. Участие в ней приняли представители практически всех оппозиционных сил, за исключением коммунистов и двух небольших партий, входящих в состав наиболее непримиримого FA²³. Одновременно проявилась нацеленность оппозиции, несмотря на расхождения по многим вопросам, прекратить насилие, о чем заявляли в своих интервью не только видные социалисты (Р. Лагос, М. Бачелет, Серхио Битар и др.) и христианские демократы, но даже лидер FA Б. Санчес. Поддержав социальный протест, она осудила насилие и отказалась считать свое движение организатором событий. Несмотря на то что радикальные политики на левом фланге требовали немедленной отставки действующего президента, настроения значительной части оппозиции свидетельствовали о наличии и другой тенденции — нацеленности на поиск компромисса между наиболее влиятельными политическими силами.

10 ноября 2019 г. президент объявил о начале конституционного процесса по разработке и безотлагательному принятию новой Конституции страны. Нерешенным оставался вопрос о том, в какой форме будет приниматься основной закон — в рамках «смешанного» Конвента (50% членов — из состава Конгресса, 50% — избираются прямым голосованием) или Конституционной ассамблеи (100% членов должны быть избраны). Мнения оппозиции в данном случае также разделились: «умеренные» высказались за вариант «смешанного» Конвента, «непримиримые» — за Конституционную ассамблею, предполагающую непосредственное участие граждан.

12 ноября в поддержку Конституционной ассамблеи по призыву FA и коммунистов, профсоюзов и организаций гражданского общества была проведена Всеобщая национальная забастовка, к которой подключились госслужащие, работники здравоохранения, образования, торговли, морских портов, горнодобывающей и строительной отраслей и впервые за все время протестов — сотрудники аэропорта Сантьяго²⁴. Основное требование состояло в кардинальном пере-

²³ La compleja articulación que busca la oposición en medio de la crisis que incluye desde la DC hasta el FA // El Libero. Available at: https://ellibero.cl/actualidad/la-compleja-articulacion-que-busca-la-oposicion-en-medio-de-la-tesis-que-incluye-desde-la-dc-hasta-el-fa/?mc_cid=891535c61c&mc_eid=3ff5671c12 (accessed: 12.11.2019).

²⁴ Paro nacional en Chile en demanda de Asamblea Constituyente // Excelsior. Available at: <https://www.excelsior.com.mx/global/paro-nacional-en-chile-en-demanda-de-asamblea-constituyente/1347245> (accessed: 14.11.2019).

смотре всей модели экономического развития страны. Забастовка сопровождалась массовыми маршами в крупнейших городах.

Кроме человеческой и политической составляющих протесты имели и высокую экономическую цену: экономический рост по результатам 2019 г. был понижен экспертами до 2,0% (вместо 3,0%), рост инвестиций, ожидавшийся на уровне 4%, упал к концу года до 1,5% и прогнозируется (при самой благоприятной ситуации) не более 2,5% в 2020 г.²⁵ Общий ущерб, по данным Министерства финансов Чили, составил не менее 4,5 млрд долл. (в том числе не менее 380 млн долл. потребует ремонт станций метро)²⁶. Были отменены саммит АТЭС в Сантьяго и климатический саммит ООН, запланированные на ноябрь и декабрь 2019 г. (что повлияло и на туристическую отрасль — одну из важнейших в экономике страны). В ноябре упал курс чилийского песо по отношению к доллару, снизившись до минимума своих многолетних значений. Малый и средний бизнес потерял, по приблизительным подсчетам, 150 тыс. рабочих мест. Но монетизировать основной ущерб только в цифрах оказалось сложно: он состоял в значительных имиджевых потерях страны на международной арене, в стремительном падении всех индикаторов национального благополучия, опирающегося на стабильность экономики и предсказуемость политики.

Реакция президента и правительства в ходе кризиса вызывала противоречивые оценки в обществе, но общий фон, несмотря на различия политических позиций, оставался негативным. На левом фланге правительство и лично С. Пиньеру упрекали в неоправданном использовании армии на улицах города, на правом — осуждали за недостаточную решимость в наведении порядка. Умеренная часть настаивала на необходимости переговоров, конструктивном поиске компромисса, но все предлагаемые «сверху» шаги на низовом уровне встречали либо неприятие, либо стремление увеличить уступки. По мере развития конфликта все сильнее обесценивались политические заявления и действия власти. Рейтинг поддержки президента в ноябре упал до 14%, стал очевидным факт глубокого недовольства

²⁵ Expertos consultados por el Banco Central aplican fuerte corrección a cálculo de crecimiento del PIB 2019, 2020 y 2021 // La Tercera. Available at: <https://www.latercera.com/pulso/noticia/expertos-consultados-por-el-banco-central-aplican-fuerte-correccion-a-calculo-de-crecimiento-del-pib-en-2019-y-2020/897247/> (accessed: 12.11.2019).

²⁶ ¿Cuánto les costará a los chilenos los daños de las protestas? // Panama Post. Available at: <https://es.panamapost.com/mamela-fiallo/2019/11/19/chilenos-danos-protestas/> (accessed: 19.01.2020).

его правлением, а в отдельные моменты — и его несоответствия сложившейся ситуации как лидера.

После общенациональной забастовки 12 ноября С. Пиньера выступил с обращением к нации, заявив о необходимости «трех национальных соглашений: о мире, социальной справедливости и Конституции»²⁷. 15 ноября 2019 г. все политические партии (входившие в правящую коалицию и оппозиционные, за исключением коммунистов и одной из партий FA) подписали соглашение «За мир и новую Конституцию»²⁸ о проведении 26 апреля 2020 г. общенационального плебисцита по основному политическому вопросу в стране — о принятии новой Конституции («одобряю» или «отказываюсь») и формах реализации конституционного процесса (Конвент или ассамблея).

Этот шаг стал проявлением характерной ключевой особенности политической культуры Чили — стремления партий договариваться и заключать соглашения, направленные на реализацию общенациональных интересов. В то же время компромисс 15 ноября 2019 г. только наметил путь выхода из конфликта, но не гарантировал его успех. Начался кризис в рядах FA, из состава которого вышли три партии, несогласные с позицией руководства; это усилило поляризацию внутри самих левых сил, привело к выделению еще более радикального крыла, нацеленного на продолжение жесткой протестной линии и отказ от любых переговоров с правительством вместе с требованием отставки действующего президента. 9 марта 2020 г. ни коммунисты, ни представители FA не пришли на встречу, организованную президентами Сената и Палаты депутатов для подтверждения всеми политическими партиями мирного курса накануне общенационального плебисцита²⁹. Вместе с тем более выраженной стала позиция «умеренных», центристских сил (христианских демократов, части социалистов, ряда правых), стремившихся к прекращению насилия и практики массовых мобилизаций. Внутри правых партий обозначились как противники, так и сторонники одобрения

²⁷ El día en que el gobierno se reencontró consigo mismo // El Libero. Available at: https://ellibero.cl/actualidad/el-dia-en-que-el-gobierno-se-reencontro-consigo-mismo/?mc_cid=8b868063a6&mc_eid=3ff5671c12 (accessed: 14.11.2019).

²⁸ Firman Acuerdo por la Paz Social y Nueva Constitución. Available at: https://www.camara.cl/prensa/noticias_detalle.aspx?prmId=138442 (accessed: 16.11.2019).

²⁹ El duro golpe de un sector de la oposición al itinerario democrático para resolver la crisis // El Libero. Available at: https://ellibero.cl/actualidad/el-duro-golpe-de-un-sector-de-la-oposicion-al-itinerario-democratico-para-resolver-la-cri-sis/?mc_cid=2d57e77d08&mc_eid=3ff5671c12 (accessed: 12.03.2020).

новой Конституции и все отчетливее стали звучать голоса тех, кто готов был принять любой выбор народа, считая это неотъемлемой частью демократического процесса³⁰. Не было однозначных оценок и в отношении досрочного прекращения полномочий С. Пиньеры.

В преддверии голосования 26 апреля 2020 г. на фоне развернувшихся общественных дискуссий (на телевидении, в СМИ, в организациях гражданского общества и местных советах — *cabildos*) продолжение протестных действий, сопряженных с насилием, стало особенно опасным. Это вредило и массовой агитационной кампании в поддержку решения «одобряю». В январе радикальная молодежная организация, объединяющая старшеклассников, попыталась сорвать проведение единого общенационального экзамена для поступления в университеты (в ряде школ страны этот экзамен пришлось повторять)³¹. В начале марта вновь усилились молодежные протестные акции под лозунгами «Пиньера, вон!», произошли насильственные столкновения с полицией.

11 марта 2020 г. Чили должна была праздновать 30-летие перехода к демократии (в этот день в 1990 г. А. Пиночет официально сложил с себя полномочия главы государства). Тем не менее это важнейшее событие было отмечено предельно сдержанно: радикальное протестное движение последних месяцев обесценило в глазах широких слоев общества 30 лет последовательного демократического развития, нивелировало все политические достижения, в том числе наиболее принципиальное — сам факт мирного перехода к демократии. Что привело страну к такой фундаментальной переоценке ценностей?

Очевидно, что чилийские протесты были обусловлены не отдельными непопулярными мерами правительства, а глубокими внутренними процессами социально-политического характера. Эти процессы во многом стали оборотной стороной чилийской модели эффективного экономического развития и масштабной социальной политики, которая вывела из абсолютной бедности практически половину населения страны, но не привела к кардинальному сокращению социального неравенства. Возник «новый средний класс», не ощущавший уверенности в завтрашнем дне, но чувствительный

³⁰ La campaña del terror ante un eventual triunfo del 'Rechazo' en el plebiscito de abril // El Libero. Available at: <https://ellibero.cl/actualidad/la-campana-del-terror-ante-un-eventual-triunfo-del-no-en-el-plebiscito-de-abril/> (accessed: 12.01.2020).

³¹ PSU: cinco historias de una jornada turbulenta // La Tercera. Available at: www.latercera.com/ <https://www.latercera.com/nacional/noticia/psu-cinco-historias-una-jornada-turbulenta/963955/> (accessed: 17.01.2020).

к сохранению социальных барьеров, к низкому качеству доступных ему услуг, к рискам экономического кризиса.

Предшествующее правительство М. Бачелет, начав кардинальные реформы, породило массовые социальные ожидания молодежи, но оказалось не в состоянии их удовлетворить, что создало тот эмоциональный фон, на котором и развернулось современное протестное движение. Социальное неравенство, не преодоленное за годы демократического развития, и недостаточность результатов реализованных социальных программ вызвали глубокое общественное разочарование. Выбор в пользу повышения эффективности экономической модели и ускорения темпов экономического роста, который сделала часть общества в 2017 г., отдав свои голоса за С. Пиньеру, стал катализатором, ускорившим рост массового недовольства. Первый этап деятельности технократического по стилю и умеренно-неолиберального по сути правительства многократно усилил эти настроения. Сыграла свою роль и очередная годовщина 11 сентября, обострившая «травму памяти», но сдержанно отмеченная властью. Активная и жесткая леворадикальная оппозиция, представленная новыми силами, поддержала начавшееся движение, быстро перешедшее в неконтролируемый и насильственный социальный протест.

Таким образом, чилийская общественно-политическая модель, основанная на серии компромиссов элит и принципах экономической эффективности, спустя 30 лет оказалась перед серьезными рисками внутреннего характера, перед необходимостью глубокой коррекции стратегии развития с учетом ценностей социальной справедливости и массовых общественных ожиданий.

В какой мере этот противоречивый, драматический этап, переживаемый Чили, соответствует фундаментальной логике демократического развития? По мнению крупнейших теоретиков, политическая практика демократии, включающая неопределенность, кризисы, перерывы стабильности, нарастание противоречий, предполагает и постоянное совершенствование реальных моделей, поиск ответов на новые вызовы и критические ситуации [Dahl, 1989; Diamond, 2015; Plattner, 2015]. Шанс перейти на этот уровень есть и у Чили.

Сегодня будущее страны зависит от соединения многих условий: от способности президента и правящей коалиции к преодолению самого глубокого политического кризиса за последние 30 лет и готовности всех политических сил к соблюдению заключенного многостороннего компромисса; от того, насколько этот компромисс отражает настроения широких социальных слоев; насколько наибо-

лее активные и молодые общественные силы стремятся к мирному исходу и ценят его преимущества; насколько способны смягчить свою непримиримую позицию ультрарадикальные группы. Непредвиденным и непреодолимым обстоятельством стала эпидемия COVID-19, в результате которой плебисцит, назначенный на 26 апреля, был перенесен на 25 октября 2020 г.

Несмотря на все препятствия и проблемы, ряд факторов — принятие новой «социальной повестки», начало конституционного процесса и открытого диалога с обществом, заключение политического договора, основанного на общем стремлении к прекращению насилия, — позволяют предположить, что независимо от конкретных обстоятельств и судьбы действующего кабинета выход из кризиса все-таки будет реализован на основе демократического, правового пути, по которому страна следовала последние 30 лет своего развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богуш Е.Ю., Щелчков А.А. Политическая история Чили XX века. М.: Высшая школа, 2009.
2. Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2010.
3. Дьякова Л.В. Историческая память и политическая поляризация в Чили // Латинская Америка. 2019. № 12. С. 61–73. DOI: 10.31857/S0044748X0007341-4.
4. Дьякова Л.В. Медленный реформизм Себастьяна Пиньеры // Латинская Америка. 2019. № 5. С. 6–30. DOI:10.31857/S0044748X0004715-5.
5. Дьякова Л.В. Чили: на трудном пути демократии // Латинская Америка. 2016. № 5. С. 52–62.
6. Дьякова Л.В. Чили: ревизия старых компромиссов // Латинская Америка. 2018. № 2. С. 5–15.
7. Дьякова Л.В. Чилийская демократия: преемственность и перемены. М.: ИЛА РАН, 2013.
8. Липсет С.М. Третьего пути не существует. Перспективы левых движений // Полис. Политические исследования. 1991. № 5. С. 15–32.
9. Липсет С.М. Третьего пути не существует. Перспективы левых движений // Полис. Политические исследования. 1991. № 6. С. 19–39.
10. Лукин А.В. Возможна ли другая демократия? // Полис. Политические исследования. 2014. № 1. С. 10–27.
11. Лэйн Д. Мираж демократии // Полис. Политические исследования. 2014. № 6. С. 127–148.
12. Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. Преодоление капитализма: от морального коллапса к моральной революции? // Полис. Политические исследования. 2012. № 1. С. 63–75.

13. Семенов И.С. «Человек политический» перед альтернативами общественных трансформаций: опыт переосмысления индивидуального измерения политики // Полис. Политические исследования. 2012. № 6. С. 9–26.

14. Симонова Л.Н. Финансовая либерализация: чилийский вариант. М.: ИЛА РАН, 2003.

15. Arenas de Mesa A., Gusman Cox J. Política fiscal y protección social en Chile // Revista de la CEPAL. 2003. No. 81. P. 123–141.

16. Barton J.R. State Continuum and Pinochetism: The keys to the Chilean transition // Bulletin of Latin American Research. 2002. Vol. 21. No. 3. P. 358–374. DOI: <https://doi.org/10.1111/1470-9856.00048>.

17. Dahl R.A. Democracy and its critics. New Haven: Yale University Press, 1989.

18. Diamond L. Facing up to the democratic recession // Journal of Democracy. 2015. Vol. 26. No. 1. P. 141–155. DOI: 10.1353/job.2015.0009.

19. Drake P., Jaksic I. El ‘modelo’ chileno. Democracia y desarrollo en los noventa // El modelo chileno: democracia y desarrollo en los noventa / Ed. by P. Drake, I. Jaksic. Santiago de Chile: LOM, 2002. P. 11–38.

20. El Chile que se viene. Ideas, miradas, perspectivas y sueños para el 2030 / Ed. by R.E. Lagos, O.M. Landerretche. Santiago de Chile: Ed. Catalonia, 2011.

21. Escalona C. Chile, 20 años después. 1988–2008. Santiago: Diagrama, 2008.

22. Fontaine Aldunate A. Los economistas y el Presidente Pinochet. Santiago de Chile: Zig-Zag, 1988.

23. Fukuyama F. Dealing with inequality // Journal of Democracy. 2001. Vol. 22. No. 3. P. 79–89.

24. Garretón M.A. La posibilidad democrática en Chile. Santiago de Chile: FLACSO, 1989.

25. Gómez Leyton J.C. Chile 1990–2007. Una sociedad neoliberal avanzada // Chile Hoy. Revista de Sociología. 2007. No. 21. P. 57–59. DOI: 10.5354/0719-529X.2007.27517.

26. Huneeus C. El gobierno de Michelle Bachelet a mitad de camino // Anuario Iberoamericano / Ed. by C. Malamud, P. Isbell, C. Tejedor. Madrid: Real Instituto Elcano-EFE, 2008. P. 77–95.

27. Lagos M. Una prosperidad no democrática // Chile Hoy. Revista de Sociología. 2007. No. 21. P. 139–163.

28. Mainwaring S. Transitions to democracy and democratic consolidation: Theoretical and comparative issues. Working Paper of Kellogg Institute, 1989. No. 130. Available at: https://kellogg.nd.edu/sites/default/files/old_files/documents/130_0.pdf (accessed: 09.11.2018).

29. Morandé F. Del trauma a la serenidad: veinte años de evolución económica y política en Chile. Buenos Aires: CIEDLA, 1993.

30. Moulían T. Chile actual: anatomía de un mito. Santiago de Chile: LOM, 2002.

31. Navia P. Autoridad moral de Bachelet. Available at: <http://www.infolatam.com/2015/03/22/> (accessed: 15.04.2015).
32. O'Donnell G., Shmitter P.C. Transitions from the authoritarian rule. Tentative conclusions about uncertain democracies. Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 2013.
33. Peña Gonzalez C. Chile actual: el proyecto político de la Concertación // Chile Hoy. Revista de Sociología. 2007. No. 21. P. 33–45. DOI: 10.5354/0719-529X.2007.27515.
34. Plattner M.F. Is democracy in decline? // Journal of Democracy. 2015. Vol. 26. No. 1. P. 5–10.
35. Rivas P. Chile, un largo septiembre. Santiago de Chile: LOM, 2007.
36. Siavelis P.M. Continuidad y transformación del sistema de partidos en una transición ‘modelo’ // El ‘modelo’ chileno: democracia y desarrollo en los noventa / Ed. by P. Drake, I. Jaksic. Santiago de Chile: LOM, 2002. P. 223–239.
37. Silva P. Searching for civilian supremacy: The concertacion governments and the military in Chile // Bulletin of Latin American Research. 2002. Vol. 21. No. 3. P. 375–396.
38. Sniderman P.M., Highton B. Facing the challenge of democracy: Explorations in the analysis of public opinion and political participation. Princeton: Princeton University Press, 2011.
39. Valenzuela A., Dammert L. Problems of success in Chile // Journal of Democracy. 2006. Vol. 17. No 4. P. 65–79.
40. Vasconi A.T., Arancibia S. Chile: economía y política (1983–1986). La Habana: CEA, 1988.
41. Vergara Estévez J. La ‘democracia protegida’ en Chile // Chile Hoy. Revista de Sociología. 2007. No. 21. P. 45–52.

L.V. Diyakova

**THE CHILEAN MODEL
CONFRONTING EXPECTATIONS OF SOCIAL JUSTICE**

*Institute of Latin American Studies,
Russian Academy of Sciences
21/16 Bolshaya Ordynka Str., Moscow, 115035*

The Chilean development model by objective parameters is a combination of a developed democracy, a targeted social policy, and an effective, competitive economy. However, the protest movement that began in October 2019, which included both peaceful and violent actions, was directed not only against the center-right government of Sebastian Pinera (2018–2022), but also against the entire system as a whole. This movement demonstrated the disillusionment and dissatisfaction of the broad social strata with the

results of political and social development and indicated the beginning of a protracted, intractable crisis.

The fundamental reason for the protests was a deep contradiction between economic efficiency and social justice, laid down during the neoliberal modernization of Augusto Pinochet (1973–1990), and not overcome during the 30 years of democratic development, despite a large-scale social policy. The system of ‘elite compromises’, which provided a political basis for the transition from authoritarianism to democracy, also became an object of harsh criticism.

The paper shows the specifics of the Chilean model in historical retrospect, identifies contradictions and issues that have triggered a socio-political conflict, particularly the rise of mass social expectations, strengthened by the reforms of the second government of M. Bachelet (2014–2018), and considers the features of the current crisis.

Keywords: Chile, protests, neoliberal reforms, the model of elite compromises, social justice, Sebastian Pinera, Michelle Bachelet.

About the author: *Lyudmila V. Diyakova* — Doctor of Sciences (Political Science), Leading Research Fellow at the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: diakova65@mail.ru).

REFERENCES

1. Bogush E.Yu., Shchelchkov A.A. 2009. *Politicheskaya istoriya Chili XX veka* [Political history of twentieth-century Chile]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. (In Russ.)
2. Dzolo D. 2010. *Demokratiya i slozhnost'. Realisticheskii podkhod* [Democracy and complexity. A realist approach]. Moscow, SU-HSE Publ. (In Russ.)
3. Diyakova L.V. 2019a. Istoricheskaya pamyat' i politicheskaya polarizatsiya v Chili [Historical memory and political polarization in Chile]. *Latinskaya Amerika*, no. 12, pp. 61–73. DOI: 10.31857/S0044748X0007341-4. (In Russ.)
4. Diyakova L.V. 2019b. Medlennyi reformizm Sebast'yana Pin'ery [The slow reformism of Sebastian Piñera]. *Latinskaya Amerika*, no. 5, pp. 6–30. DOI:10.31857/S0044748X0004715-5. (In Russ.)
5. Diyakova L.V. 2016. Chili na trudnom puti demokratii [Chile on the hard way of democracy]. *Latinskaya Amerika*, no. 5, pp. 52–62. (In Russ.)
6. Diyakova L.V. 2018. Chili: reviziya starykh kompromissov [Chile: Revision of old compromises]. *Latinskaya Amerika*, no. 2, pp. 5–15. (In Russ.)
7. Diyakova L.V. 2013. *Chiliiskaya demokratiya: preemstvennost' i peremeny* [The Chilean democracy: Continuity and change]. Moscow, ILA RAS Publ. (In Russ.)
8. Lipset S.M. 1991a. Tret'ego puti ne sushchestvuet. Perspektivy levyykh dvizhenii [There is no third way. Perspectives of left-wing movements]. *Polis. Political Studies*, no. 5, pp. 15–32. (In Russ.)

9. Lipset S.M. 1991b. Tret'ego puti ne sushchestvuet. Perspektivy levyykh dvizhenii [There is no third way. Perspectives of left-wing movements]. *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 19–39. (In Russ.)
10. Lukin A.V. 2014. Vozmozhna li drugaya demokratiya? [Is another democracy possible?]. *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 10–27. (In Russ.)
11. Lain D. 2014. Mirazh demokratii [The mirage of democracy]. *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 127–148. (In Russ.)
12. Mart'yanov V.S., Fishman L.G. 2012. Preodolenie kapitalizma: ot moral'nogo kollapsa k moral'noi revolyutsii? [Overcoming capitalism: From moral collapse to moral revolution?]. *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 63–75. (In Russ.)
13. Semenenko I.S. 2012. 'Chelovek politicheskii' pered al'ternativami obshchestvennykh transformatsii: opyt pereosmysleniya individual'nogo izmereniya politiki [The 'political man' before alternatives of social transformations: Experience of rethinking the individual dimension of politics]. *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 9–26. (In Russ.)
14. Simonova L.N. 2003. *Finansovaya liberalizatsiya: chiliiskii variant* [Financial liberalization: The Chilean version]. Moscow, ILA RAS Publ. (In Russ.)
15. Arenas de Mesa A., Gusman Cox J. 2003. Política fiscal y protección social en Chile. *Revista de la CEPAL*, no. 81, pp. 123–141.
16. Barton J.R. 2002. State Continuismo and Pinochetismo: The keys to the Chilean transition. *Bulletin of Latin American Research*, vol. 21, no. 3, pp. 358–374. DOI: 10.1111/1470-9856.00048.
17. Dahl R.A. 1989. *Democracy and its critics*. New Haven, Yale University Press.
18. Diamond L. 2015. Facing up to the democratic recession. *Journal of Democracy*, vol. 26, no. 1, pp. 141–155. DOI: 10.1353/job.2015.0009.
19. Drake P., Jaksic I. 2002. El 'modelo' chileno. Democracia y desarrollo en los noventa. In Drake P., Jaksic I. (eds.). *El 'modelo' chileno: democracia y desarrollo en los noventa*. Santiago de Chile, LOM, pp. 11–38.
20. Lagos R.E., Landerretche O.M. (eds.). 2011. *El Chile que se viene. Ideas, miradas, perspectivas y sueños para el 2030*. Santiago de Chile, Ed. Catalonia.
21. Escalona C. 2008. *Chile, 20 años después. 1988–2008*. Santiago, Diagrama.
22. Fontaine Aldunate A. 1988. *Los economistas y el Presidente Pinochet*. Santiago de Chile, Zig-Zag.
23. Fukuyama F. 2001. Dealing with inequality. *Journal of Democracy*, vol. 22, no. 3, pp. 79–89.
24. Garretón M.A. 1989. *La posibilidad democrática en Chile*. Santiago de Chile, FLACSO.
25. Gómez Leyton J.C. 2007. Chile 1990–2007. Una sociedad neoliberal avanzada. *Chile Hoy. Revista de Sociología*, no. 21, pp. 57–59. DOI: 10.5354/0719-529X.2007.27517.

26. Huneeus C. 2008. El gobierno de Michelle Bachelet a mitad de camino. In Malamud C., Isbell P., Tejedor C. (eds). *Anuario Iberoamericano*. Madrid, Real Instituto Elcano-EFE, pp. 77–95.
27. Lagos M. 2007. Una prosperidad no democrática. *Chile Hoy. Revista de Sociología*, no. 21, pp. 139–163.
28. Mainwaring S. 1989. *Transitions to democracy and democratic consolidation: Theoretical and comparative issues*. Working Paper of Kellogg Institute, no. 130. Available at: https://kellogg.nd.edu/sites/default/files/old_files/documents/130_0.pdf (accessed: 09.11.2018).
29. Morandé F. 1993. *Del trauma a la serenidad: veinte años de evolución económica y política en Chile*. Buenos Aires, CIEDLA.
30. Moulian T. 2002. *Chile actual: anatomía de un mito*. Santiago de Chile, LOM.
31. Navia P. 2015. *Autoridad moral de Bachelet*. Available at: <http://www.infolatam.com/2015/03/22/> (accessed: 15.04.2015).
32. O'Donnell G., Shmitter P.C. 2013. *Transitions from the authoritarian rule. Tentative conclusions about uncertain democracies*. Baltimore, London, The Johns Hopkins University Press.
33. Peña Gonzalez C. 2007. Chile actual: el proyecto político de la Concertación. *Chile Hoy. Revista de Sociología*, no. 21, pp. 33–45. DOI: 10.5354/0719-529X.2007.27515.
34. Plattner M.F. 2015. Is democracy in decline? *Journal of Democracy*, vol. 26, no. 1, pp. 5–10.
35. Rivas P. 2007. *Chile, un largo septiembre*. Santiago de Chile, LOM.
36. Siavelis P.M. 2002. Continuidad y transformación del sistema de partidos en una transición ‘modelo’. In Drake P., Jaksic I. (eds.). *El ‘modelo’ chileno: democracia y desarrollo en los noventa*. Santiago de Chile, LOM, pp. 223–239.
37. Silva P. 2002. Searching for civilian supremacy: The concertacion governments and the military in Chile. *Bulletin of Latin American Research*, vol. 21, no. 3, pp. 375–396.
38. Sniderman P.M., Highton B. 2011. *Facing the challenge of democracy: Explorations in the analysis of public opinion and political participation*. Princeton, Princeton University Press.
39. Valenzuela A., Dammert L. 2006. Problems of success in Chile. *Journal of Democracy*, vol. 17, no. 4, pp. 65–79.
40. Vasconi A.T., Arancibia S. 1988. *Chile: economía y política (1983–1986)*. La Habana, CEA.
41. Vergara Estévez J. 2007. La ‘democracia protegida’ en Chile. *Chile Hoy. Revista de Sociología*, no. 21, pp. 45–52.